

Людмила Тарасова-Мидилян

Дорога в тополях

ВІРР6К
Т19

*Посвящаю моим любимым мужчинам:
папе — Ивану Тарасову
и мужу — Георгию Чидилян*

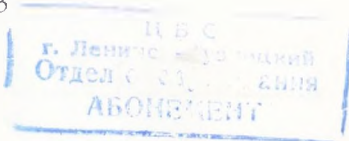
Людмила Тарасова-Мидилян

Дорога в тополях

Издательская группа Мастерской «АЗ»
Кемеровский государственный университет
Кемерово - 2003

84Р6К
Т 19

82382 (1)

*Такой загадочный мужчина —
И офицер он, и банкир.
Магнат по сути и по чину,
Угля и нефти «командир».
Радушен, но с врагами хмур.
Умен и честен — наш Тимур.*

*Благодарю Тимура Сулеймановича Цориева
за дружеское внимание к моему творчеству
и помощь в издании этой книги.*

Мой стих не прописался
В распахнутой тетради.
Он сам себя стеснялся,
Скитался Христа ради.

В нем было ожиданье
Внезапной тихой встречи.
И зыбкость обладанья,
И простодушность речи.

Он верил всем на слово,
Надеялся на милость.
Как школьник, бестолково,
Я у него училась.

1996 — 2003

ПОЭТ О ПОЭТЕ ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

1

Однажды, еще в деревенских сумерках детства, ползая по коричнево-теплым половицам дома, я увидел в широко и косо дышащем солнечном луче просиявшую драгоценную пылинку, которую не поймать ладошкой... А недавно в Юго-Александровке я любовался переливающимися на иссиня-лазурных листьях капусты утренними алмазами росы, которые невозможно ухватить в щепоть... А недосягаемо-родимые звезды — драгоценности Бога, мерцающие для всех над крышей каждого дома...

Так и стихи, как драгоценные пылинки-росы, бесценно сияющие и открытые для взора. Так и стихи Людмилы Тарасовой-Чидилян — глазастой беловской девчонки и поэта Божьей милостью — бесценные и драгоценные для меня... Стихи-пылинки, стихи-мгновенья...

Нам вечер
Подарил у тихой речки
Сиянье радуги на крыльях стрекозы,
Жужжанье позолоченной осы
И с медом чай
На солнечном крылечке...

2

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — время от времени мы по-детски восклицаем, пытаясь бросить вызов Создателю — остановить Неостановимое, удержать Неудержимое...

То Иисус Навин пытался страстным словом стреножить на дневном небосклоне неостановимо-солнечную Колесницу. То Фауст, искушаемый Мефистофелем, ловил ревнивым сачком неуловимо-цветущую Маргаритку. То Сальвадор Дали, словно старик-ребенок, закрутив свои усы, как пружинки часов, рисовал время, растекающееся по камню, как расплавленные ручные часы...

Но Господь милостив и он любит нас. И Он подарил нам эту возможность-способность останавливать мгновение. Он подарил нам

чудесный ларчик — устройство для ловли мгновений. И не только избранным гордецам-мыслителям, а всем нам, как всегда — Все для Всех. Как Землю — одну на Всех. Как человеческую судьбу — одну на Всех. Как наше божественное будущее — одно на Всех.

И уже звучит обыденно и просто: «Посмотрите сюда... сейчас отсюда вылетит птичка!» И в руках фотографа-любителя взблескивает зрачком вечности чудесный ларчик-фотоаппарат... Но, как всегда, мы немного лукавим, потому что птичка не вылетает, а залетает в ларчик. И вот оно — в наших руках животрепещущее, неприкасаемо-неуловимое мгновение — простая любительская фотография... «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Любуйтесь, сколько хотите, неизменным любимым лицом, которое уже неподвластно солнечным приводным ремням и земным шестеренкам времени...

Открывайте семейный альбом человечества, находите, рассматривайте свои остановленные мгновения-фотографии. Вот одно из них — «Папины друзья на речке».

От воды намокшие чубы,
Руки сжаты на плечах друг друга,
Мошкаркой искусанные лбы —
Три беловских пацана, три друга.

Из сатина длинные трусы
Облепили острые коленки.
От жары облезлые носы.
На руках натруженные вельки.

Над губой пушок едва возник,
Но и голод и войну застали.
Вождь наколотый, товарищ Сталиц,
Смотрит в сердце каждого из них.

Впечатление после прочтения стихотворения — словно только что видел чуть выцветшую от времени черно-белую фотографию. Именно фотографию, а не рисунок или живописную картинку... Это и есть любительское фото-стихотворение из семейного альбома Людмилы Тарасовой-Чидилян. Это ее робкоцветящаяся звезда-пылинка...

3

А вот другое стихотворение Людмилы. Это не фотография.

Ах, как сладко пела я,
Аж до слез!
Там, где роща белая
От берез.

Где листва сплеталась
В кружева,
Где от ласк осталась я
Чуть жива.

Где под ливнем барыню
Ты плясал
И малиной раннею
Забросал,

И опять про валенки
Спеть просил,
А потом, как маленький,
Спал без сил.

Это традиционно написанное стихотворение в русле традиционной русской поэтики. Задорно-озорной ритм-дыхание, беззапиночные рифмы-созвучья и простое, захватывающее кружево чувств передают-воспроизводят душевное состояние поэта: «Ах как сладко пела я, аж до слез!» И перед глазами взвихренный цвет и летящие зелено-малиновые мазки пляшущей кисти...

4

В восемнадцатом и девятнадцатом веке русские поэты еще не знали, что такое фотография. И тем более не имели понятия, что такое техника фотографии в поэзии...

Впрочем, и современные, и старинные поэты не очень-то разбираются во всех этих техниках, а просто пишут, как пишут.

Поэт Гавриила Державин живописал роскошные военные натюрморты-баталии. Стихотворения-рисунки Александра Пушкина до сих пор изумляют нас ясной, почти фотографической точностью... А горне-звездная графика Федора Тютчева одухотворяет душу русского человека и сегодня.

Но в целом русские поэты того времени использовали технику умозрительного рисования. Это было искусство Обобщения, в котором исчезали живые явления природы в их неповторимой личной подробности. Это был культ-фантом-призрак Целого, поглощающий свои вопиющие от боли части... Это был тот самый призрак, который бродил не только по России...

Демоническая высота чувства и глубина надменного ума — вот система координат культуры русского стихосложения того времени: от архаичного классицизма Михайлы Ломоносова - Кантемира до изысканного неоклассицизма Аполлона Майкова - Бальмонта. Надмирная вуаль «высокого стиля», как призрачная белая ночь, была накинута на зарифмованные кварталы русской версификации. Поэты задыхались в полиэтиленовом пакете поэтического идеализма.

Ощущение как Вещественная Координата Мироздания и неотъемлемая часть человеческого тела для русских поэтов позапрошлого века было, воистину, запретной зоной. И первые, ссыльные поэты из девятнадцатого века в двадцатый, попавшие на тотальный лесоповал глагольных рифм, оцепеневшие на кровавых просеках газетопоззии, изодравшие в клочья лайковые перчатки своей неотмирности, голыми ладонями в надсадно-орущих мозолях, только-только, как немтые слепцы начинали ощупывать-обнюхивать-лизать-вслушиваться в яростно-распахнутое и кричаще-вещное Мироздание.

Так взорвался Маяковский: «Улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать...» Это сквозь родовую коросту девятнадцатого века раскрывала глаза, жмурилась и кровоточила слезами от прямого режущего цвета-запаха-звука русская поэзия двадцатого столетия. Бесстрашные поэты-испытатели реактивных метафор, сумасшедшие футуристы-террористы, подкладывающие взрывные устройства слов в портфели школьников, неловкоуклюжие, оглядывающие всю землю враз, улыбчивые космонавты верлибра — все вместе самозабвенно и самоубийственно осваивали разверзшийся Космос острых ощущений.

Это они восхищались ядерным Взрывословом на родимых колосящихся полях Русской Речи, это они воспели нелепо-верещающую культу-часть-человека, вброшенную в окоп-воронку просвещенного

гуманизма, это они защищались от вся и всех смертельно-трассирующей графикой соцреализма.

Это они, страстные революционер-живописцы и бесстрастные радикал-графики, это они, пристрастные либерал-акварелисты и сладострастные демократо-рисовальщики — русские поэты двадцатого века, исповадовавшие божественное своеволие и воинствующее сомнение, бесцельную художественность и безбожное совершенство...

А где стрекозозглазые и точные, как швейцарские часы, поэты-фотографы, прячущие в рукаве невиданную птичку-невилочку?

5

Оказывается, поэты-фотографы в русской поэзии двадцатого века — большая редкость.

Оказывается, фото-стихотворение — это божественная точность.

Оказывается, фото-стихотворение — это божественная правда.

Оказывается, фото-стихотворение — это божественный цельность.

Оказывается, фото-стихотворение — это та самая невиданная птичка-невилочка. Никто птичку не видел, а фотографии есть... И это странно и чудно.

И поэт-фотограф должен быть невидимо честным, чтобы стать точным.

И поэт-фотограф должен быть невидимо искренним, чтобы вымолвить правду.

И поэт-фотограф должен быть невидимо великодушным, чтобы не забыть малейшую частицу великого целого...

Поэт-фотограф на мгновенье должен забыть себя, чтобы не заслонить собой то, что фотографирует. Редкие качества для поэта двадцатого века, который сам в себе и для себя.

Можно сказать, что «Черный квадрат» Малевича — это автопортрет творца двадцатого века. Как удивительно точно определяет это состояние Людмила Тарасова-Чидилян:

Его еще не принял Бог,
А на земле никто не любит.

А поэт-фотограф — просто любитель. Он любит своих родных и близких. Прилежно и старательно фотографирует, чтобы получился

хороший снимок для семейного альбома. И он произносит почти дурацкое заклинание: «Смотрите, сейчас вылетит птичка!». И мы, как ость, замираем перед Отчим зрачком вечности, и невиданная птичка вылетает, и она невиданно похожа на каждого из нас, очарованного заклинанием фотографа. Мне кажется, что все человеческое искусство начиналось для семейного альбома и завершится во Вселенном альбоме для Любования.

А тому, кто не умеет любоваться фотографиями из семейного альбома, в конце концов захочется поджечь Рим или взорвать храм Христа Спасителя...

6

Тайна стихов-фотографий Людмилы Тарасовой-Чидилян в том, что это именно фотографии из семейного альбома. Это любительские фотографии, сделанные безыскусно и с любовью. А любовь открывает глаза человеку. Поэтому в любительском искусстве мы видим людей такими, какие они есть — любимо-любящими или любимо-нелюбящими, несовершенно-божественными... И эта любовь передается мне — зрителю-читателю.

В этом сила нашего извечно-любительского искусства — в чуде любви. Любовь движет великими мастерами Земли, которые делают свое дело потому, что любят его. Омар Хайям и Шекспир, Федерико Гарсиа Лорка и Николай Заболоцкий — внезапно вдохновленные, в блаженном ужасе записывали То, Что Снисходило на них... Каждый раз с изумленным благодарением вчитываясь в новое, только что записанное стихотворение, схваченное их небесно-стреноженным почерком... И все наше всемирное любительское искусство рождается из любви — просто так — бесплатно, как не дано профессионалам.

А искусство профессионалов произрастает на гонорах, которыми время от времени опорожняется золотой телец... Потому что профессионалы делают только то, за что им платят. И никакого Божественного Просто Так. В этом разница между простосердечностью любительского искусства и профессиональным мастерством, от которого веет надменной недоступностью.

Поэтому простой семейный альбом с фотографиями — это не просто старо-истертая плоская картонная коробка с фотоснимками,

а книга жизни, в которой собрался бесценный опыт семьи, где все и всем дается с любовью и даром. Только в семье происходят самые главные события жизни: Дни Рождений, Свадьбы, Дни Успений... В семье мы узнаем и находим самых главных людей своей жизни: отца и мать, сестер и братьев, мужа и жену, детей... Родная Семья — как Вселенная, а Вселенная — как родная Семья. И в этом вся полнота и правда жизни. В семье ничто не может продаваться и покупаться. Семья рождается из любви любящих...

Жизнь в любви недоступна профессионалам. Ведь нельзя профессионально родиться, профессионально влюбиться и профессионально умереть... Слава Богу, нет профессионалов семейной жизни и нет профессиональной Вселенной, где все движется деньгами, где все покупается и продается. Слава Богу, жизнь дается человеку в любви и для любви. И просто так. Даром. И семья, воистину, Божий Дар, доступный только любящим. И в стихах-фотографиях Людмилы приоткрывается эта правда жизни... Стихи-фотографии бабушки Анны Алексеевны, мамы, брата Саши, Полины, мужа Георгия, свекра Артаваза, детей Алевтины и Нины запечатлела для своего семейного альбома поэт-фотограф Людмила Тарасова-Чидилян.

Посмотрите еще раз на черно-белую фотографию «Папины друзья на речке». Это единый взгляд, запечатлевший живое, переплетенное руками мгновенье трех беловских пацанов-друзей в их непоправимо-божественной вечности. Как на обычной фотографии, все части фото-стихотворения равноправно проявляют живую цельность. Если какую-то часть недопроявить, фотография испорчена. А в фото-стихотворениях Людмилы все части в чести: и намокшие чубы, и сатиновые трусы, и натруженные на руках венки, и наколотый товарищ Сталин... Так любительская фотография является божественно-справедливый взгляд на жизнь. Все Есть Как Есть!

7

Наверное, в русской поэзии нет явления поэта-фотографа. Но есть много великолепных поэтов-живописцев. Цветной образ — это основное достижение русской поэзии двадцатого века. Строгое суриковское узорословье Ивана Бунина или рвано-радужные осколки-строки Владимира Маяковского. Захлебывающийся

кронохлебой в смертельно скошенной охалке полевых васильков стих Павла Васильева или, как в солнечный полдень напросвет, звездно-искрящаяся купа старого сада, родословно-ветвящаяся воспоминаниями, с провалами голубизны и щемящими вспышками сновидений, поэзия Арсения Тарковского...

А из тех поэтов, кто не пишет цветом? У Анны Ахматовой — прозаичный, почти античный рисунок на хорошей бумаге, иногда сирая, как сукровица, акварель. У Александра Твардовского — мягкий русский русский рисунок и жесткая социально-заказная графика. У Александра Межирова — замоскворецкий, с рыжевато-парижской картавинкой, рисунок. У Станислава Куняева — вольный, остро-потвоящийся рисунок или колокольню-глагольная графика. У Александра Кушнера — затейливо-изысканные антикварные гравюры и неоголландские рисунки. У Николая Рубцова — нежноразмытые, как бы преломленные влагой, вологодские рисунки-ландыши-акварели. У Иосифа Бродского — неоновомигающая inferнальная гравюра и ангело-летальная венецианская графика... У Юрия Кузнецова — светозияющая графика и бездноклюбящийся крестоносный рисунок... А простого любителя-фотографа нет.

И нет особой заслуги Людмилы Тарасовой-Чидилян, что она одна из первых в русской поэзии начала работать в новой поэтической технике — фото-стихотворение. Жанр и стиль дается художнику от рождения, как вид и пол дается от рождения растению и животному... И никто не виноват, что он такой. Людмила сама не знает какой-токой она поэт, что и как у нее получается. Просто она пишет, как пишет. Как Бог дал. От дара любви. А когда любят — не видят себя. Потому что увидеть себя можно только в другом — в любимом любящем.

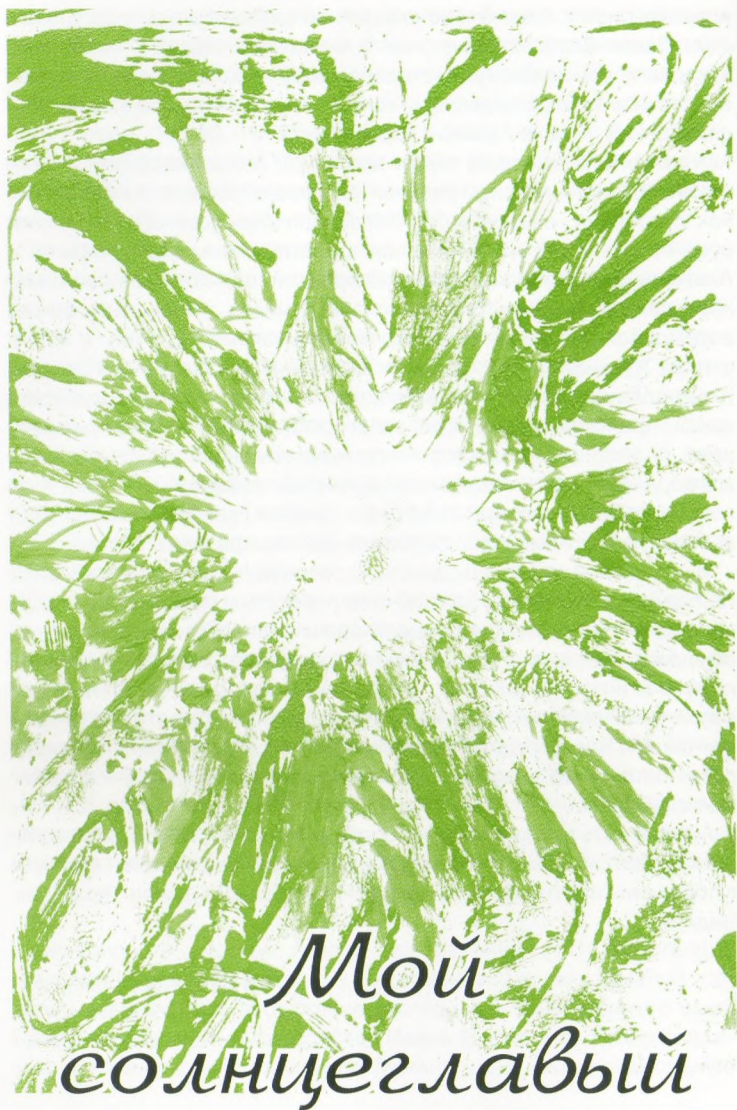
А это и есть книга стихов «Дорога в тополях», по которой идет, оглядывается и засматривается на своих родимых и близких любящими глазами поэт-фотограф-любитель Людмила Тарасова-Чидилян.

Александр Ибрагимов

20-30 июль 2003

Кемерово

*Мой
солнцеглавый*

Мой честнейший, мой нежнейший,
Мой любимейший, мой злейший,
Мой забавный, мой лукавый,
Мой родной, мой солнцеглавый,
Мой спаситель и спасенье,
Мой позор и воскресенье,
Мои страхи и упреки,
Жизнь моя! Мой... одинокий.

1978

Последний вечер в Москве

Все решено, и я сейчас уйду
Из комнаты, наполненной тобой.
Где лишь ступлю я — попаду в твой след,
Где зеркало вдвоем еще нас помнит!
Я здесь не так давно была живая:
Я видела, как спишь ты, ждешь звонков,
Как с другом говоришь, смакуешь чай,
Рассматриваешь адреса Парижа.
И неужели я сейчас уйду?!

Ничто здесь не напомнит обо мне.
Витает только тонкий аромат
Моих вещей, почивших в чемодане.
Осталось лишь упаковать два платя.
В одном впервые я пришла к тебе,
В другом — оставлена тобой и нелюбима.
Я подхожу к окну. Ничто не изменилось:
И люди мчатся, и машины мчатся,
И я сейчас в поток людей вольюсь.
Хотя, какой теперь я человек —
Ни слез, ни крика, рана вместо сердца.
Мне надо научиться быть машиной.

1980

Осенняя прогулка

Не грустно ли душе одной гулять по лужам?

А, может быть, душе никто уже не нужен?

А, может быть, душа озябла, заболела?

А, может быть, она покинуть хочет тело?

И шепчет ветер ей, и дождик подпевает,

И влажных листьев вихрь с пути её сбивает.

И птицы в облаках зовут с землей проститься:

«Летим, душа, летим! Что на Земле возиться!»

Но грустный взгляд дитя душе велит остаться

И осень пережить, и плакать, и смеяться!

1993

От роз благоухало зданье.
Арбат внизу шумел толпой.
На картах выпало свиданье,
Да знать, не суждено судьбой.

Не сбудутся мои улыбки,
Не скажутся твои слова,
Не будут сделаны ошибки,
Не закружится голова.

А только дальняя дорога,
А, может быть, казенный дом,
Пустых хлопот досадно много,
Да слез невыплаканных ком!

1993

Смотреть в глаза и взгляд поймать,
И разгадать, что в нём сокрыто.
Вмиг научиться понимать
То, что обыденно забыто.

И не бояться онеметь,
Чтоб слово слышать не мешало.
И не бояться умереть,
Чтобы увидеть всё сначала.

1993

РФ Самарская обл.

17

Муниципальное

учреждение культуры
"Самарская филармония"

Муниципальное учреждение культуры
Самарская филармония
АБОНЕМЕНТ

Мудрец-хранитель знает тайну
Рожденья сокровенных снов,
И разрушения основ
Того, что вечно и случайно.

Он может вычислить затмение,
Полет звезды, начало войн,
Пересказать волчицы вой,
Вернуться из страны забвенья.

Ничто его не искушает,
Ничто не вызывает чувств,
И безупречный дар искусств
Покой души не нарушает.

Он плотское начало губит,
Мудрец велик, но одинок.
Его еще не принял Бог,
А на земле никто не любит.

1993

Кукушка собиралась
Гадания начать.
Калитка волновалась:
«Кого теперь встречать?

Кто будет оставаться?»
Ответа ждали мы,
А надобность расстаться
Нам скалилась из тьмы.

И торопились руки
Запомнить, ощутить
В предчувствии разлуки.
«Я должен уходить!»

«Постой! Не отдаляйся!
Ты — мне, не ей супруг!
Люби меня! Остайся!»
Но лишь калитки стук.

1994

Сегодня вечер тих и нежен.
Наш двор за окнами заснежен.

И свет от желтых фонарей,
Как дар волхвующих царей.

В такие вечера — мы дети.
И мягок снег, и легок ветер,

И мир, как сказка о добре,
Лежит на расписном ковре.

И хочется за руки взяться,
И утешать, и утешаться,

И быть любимым, и любить,
И бесконечно вечер длить.

1994

В березовом лесу так тихо и уютно,
Как в побеленном доме, где разожжен очаг.
В березовом лесу поверить нам не трудно,
Что друг еще вернется, и улыбнется враг.

В березовом лесу, как в старом гулком храме,
И куполами ветви над головой сплелись.
В березовом лесу Господь как будто с нами,
Приоткрывает тайну, зачем мы родились.

1994

В моей ладони — две монетки
От древности зеленые.
Как века брошенные детки,
От дома отдаленные.

Два маленьких следа эпохи
В стране снегов затеряны,
Две отшумевшей жизни крохи,
Как тайна, мне доверены.

1995

Георгию Чидилян

Часы стучат. Любимый мой уснул.
И сон черты лица его разгладил:
Снят губы, словно вышитые гладью,
Отчетливее стал рисунок скул.

Я проведу ладонью по щекам,
По векам и по трепетным ресницам.
Любимый, ночью пусть тебе приснится
Хачковский домик, роща и река.

Ты — в детстве. Бабушка печет лаваш.
Тепло и тихо. Рядом брат и сестры.
И маленький ты ощущаешь остро,
Что это — счастье, мир сегодня ваш!

И в поле жеребенок озорной
С тобою наперегонки готов помчаться!
И тает время. День спешит начаться,
Как вдруг сменяется порой ночной.

Часы стучат. Любимый мой уснул.
Расправились морщины и морщинки.
И я молюсь за мужа по старинке,
Чтоб детства своего не обманул.

1994

Я чувствую себя блудницей
Из-за соприкасання рук!
Воздаться мне за миг сторицей
Разнообразием разлук:

Разлукой со своим покоем,
Согласием себя с собой,
С умением распознать лихое
В том, что ниспослано судьбой,

С возможностью осуществиться
И радостно на мир смотреть.
О, перед кем мне повиниться,
Чтоб от стыда не умереть?!

1995

Скользящее движение руки
По островку незащищенной кожи.
Застывшие от мартовской пурги,
Мы на пугливых птиц с тобой похожи.

Боимся прикоснуться невзначай,
Боимся вовсе не соприкоснуться.
Боимся слов «останься» и «прощай».
Боимся снов и не хотим проснуться.

Но магия прикосновенья рук
Нас постепенно из пурги выносит.
Довериться весне как-будто просит.
И обещает отвести испуг.

1995

Рассказ подруги

От меня уходит муж.
Собирает чемоданы,
Прячет мелочь по карманам,
Важную для новых нужд.

Все собрал. Лишь в стороне
Пища интеллекта — книжки,
Накопил он их в излишке.
Видимо, оставит мне.

Чтоб прочла я, наконец,
И узнала жизни правду,
Удивилась бы, как прав он:
Мне достался муж — мудрец!

Не ценила, он уйдет
И найдет другие уши,
Согласившиеся слушать
Его ночи напролет.

Все о том, что болен век,
А муж в этом не повинен,
Что и в древности, и ныне
Аморален человек.

И о том, как пошло жить
В этом материальном мире,
Где заботы о квартире
Могут разум задушить.

Все. Уходит. И теперь
Не вернуть, как ни пытайся,
Хоть расплачься, хоть раскайся!
И за ним закрылась дверь.

И, наверно, я должна
Выплакать свою утрату,
Но я чувствую, что рада,
Наконец-то — тишина!

1995

Прощание

Какие скучные слова
Приберегли вы к нашей встрече.
Лениво наступает вечер...
«О Вас уже идет молва».

... Летит осенний дым костров
И дразнит радостью паренья...
«Вот вам бы чуточку смиренья».
Ах, мне бы силу всех ветров,

Чтоб взвихрить нудность ваших слов,
Рвануться и умчаться птицей!
«Да, учудить Вы мастерица,
Желаю Вам спокойных снов».

1995

Заблудшую меня, пожалуйста, найдите
По гороскопу года, по следу на воде,
По голосу в ночи, остаткам прежней прыти,
По смеху без причин, по адресу: нигде!

Замерзшую меня, пожалуйста, согрейте
Руки прикосновеньем, слезами без беды.
Предчувствием стиха, игрой на старой флейте,
Надеждами из детства, глотком живой воды.

Беспутную меня, пожалуйста, простите
За то, что непривычна, что как бельмо в глазу,
За поздние звонки, за странности событий,
За то, что в ясный день пророчу вам грозу.

1995

Мой день дурацкий, сотканный из тени
Сомнений, лености, слезливости, тревог.
Жалей меня, баюкай на коленях
И утешай, как только папа мог.

Пусть я поплачу, ты утри мне слезы,
Целуй, смеши, дразни, что хочешь обещаи.
И в наши уведи меня березы,
Из дурочки в царевну превращай.

1995

*Фотографии
из семейного
альбома*

из семейного альбома

Папины друзья на речке

От воды намокшие чубы,
Руки сжаты на плечах друг друга,
Мошкаррой искусанные лбы —
Три беловских пацана, три друга.

Из сатина длинные трусы
Облепили острые коленки.
От жары облезлые носы.
На руках натруженные венки.

Над губой пушок едва возник,
Но и голод, и войну застали.
Вождь наколотый, товарищ Сталин,
Смотрит в сердце каждого из них.

1995

«Сронила колечко» мы с бабушкой пели...
Подсолнухи зрели, картошка цвела,
Капуста, петрушка, чеснок зеленели,
И к солнцу тянулась от лука стрела.

Мы только что грядки обильно полили,
Почти всю траву пропололи вдвоем,
На уличной печке борща наварили,
Поели, попили и тихо поем.

Валяются туфли мои от Лорана,
Валютное платье, черненый браслет.
На мне мой любимый халат без кармана,
Который бабуле дарил еще дед.

«Пускай люди судят», — бабуля выводит,
А я подпеваю: «Пускай говорят».
И вдовая Лида в своем огороде
Притихла и плачет меж свекольных гряд.

1995

из семейного альбома

Мама

I

Вытирала пыль с альбома,
Выпало два старых фото:
Девушка стоит у дома —
Ниночка времен фокстрота.

Шляпка с лентой, юбка в клетку,
Блузка, сшитая модисткой.
Нинка — детка и кокетка,
И хитрунья и артистка.

Посмотрите в эти глазки:
Сколько скрытого в них смеха!
Нинка — предвкушенье ласки,
Обещание успеха.

Фотография в больнице.
Неужели это Нинка?!
Словно раненая птица
Озирается со снимка.

Кажется, дрожат реснички,
С номерным клеймом рубашка.
Нинка — хрупкая синичка,
Нинка — пойманная пташка.

1995

Двухэтажный дом.
Мальвы под окном,
Маргаритки и васильки.
Тропка из камней,
Клумба, и над ней
Бархатистые мотыльки.

На шелку травы
Средь теней листвы
С оленятами гобелен.
Между оленят
Брат младенец снят,
В мотыльковый попавший плен.

Нежный ангелок
На животик лег,
Венчик солнечный в волосах.
Радостны глаза,
Видно, Бог сказал:
К сентябрю возьмет в небеса.

1995

Левченко П.А.

Вечерний час. Зима. Дорога в тополях.
Вновь выпавший снежок следы оставить манит.
И крестная моя в потрепанных мехах
Укутанную в шаль меня ведет из бани.

Малы мои шаги. Мне нет еще шести.
Клубится пар сквозь шаль, и в инее ресницы.
От стужи воздух сиз. Нам далеко идти,
И тетушка в сердцах ругает поясницу,

И сына, и сноху, и стекловолокно,
Которое она за смену прессом давит,
Но тут вдруг оборвет: «Коль Бог закрыл окно,
То, может, для меня хоть форточку оставит».

А мне так хорошо; я знаю, будет чай,
И деля перед сном ко мне в кровать приляжет,
И будет кот урчать, и крестная, шепча,
Мне вместо сказки вновь про молодость расскажет.

1995

На даче

Кружевная тень рябин
На полу от полнолуныя.
Разгорается камин.
Дочка, юная колдунья,
На ковре сидит с котом,
Косы распустив на плечи,
Крики птицы за окном,
Оплывающие свечи,
Предрекают тайну нам.
Мы притихли в ожиданье.
И струится между рам
Лунное очарованье.
Милый шепчет: «Сон один
Мне приснился накануне,
Что, зачатый в полнолуные,
У тебя родится сын».

1996

Июль

Александр Ибрагимову

Нам вечер подарил у тихой речки
Сиянье радуги на крыльях стрекозы,
Жужжанье позолоченной осы
И с медом чай на солнечном крылечке.

1996

Мы не спали и не ели,
Мы писали акварели.
На огромном пароходе,
На семи морских ветрах.
Акварели наши пели
И насвистывали трели,
И с листов своих срывались
Прогуляться в облаках.
Люди с палубы смотрели:
«Ах, куда ж вы, акварели!
Нам без вас здесь одиноко,
Сыро, холодно, темно!
Ваши песни нас согрели,
Возвращайтесь, акварели,
А не то мы все заплачем,
Как не плакали давно!»
И, конечно, пожалели
Пассажиров акварели.
Вместе с чайками вернулись,
Прогулявшись в облаках.
Пассажиры загалдели,
На глазах помолодели
И привет послали чайкам
В бело-солнечных стихах!

1996

Кружевное полотно вышивала шелком,
Залетела по лучу золотая пчелка.

Полно шелковых цветов пчелка удивлялась,
Дандыш выбрала себе и на нем осталась.

1996

из семейного альбома

Полина

Облокотясь на этажерку
Наманикюренной рукой,
Подкрасив веки узкой стрелкой,
А брови выведя дугой,

Сердечком губы на помадив,
Чалмою шарфик закрутив,
В панбархатно-цветном наряде
Полина смотрит в объектив.

Как будто кинопроба это.
И перед камерой она
Не Поля — прима оперетты
Иль генеральская жена.

Ах, как ей хочется казаться
Удачливой и удалой!
С беспечным видом улыбаться,
Не думать о красе былой,

О бывшем муже, об измене,
О сыне с дочкой без отца,
О сплетницах в вечерней смене,
О просьбах с заднего крыльца...

Полина в объектив смеется,
Удачен и костюм и грим,
Но взгляд печальным остается,
И роль достанется другим.

1996

Твой поезд отступает
От узкого перрона.
Ворон вокзальных стая
Срывается с вагона.

И оборвался голос,
И сердце вниз упало,
И время расколось
На «было» и «пропало».

1996

из семейного альбома

Это я

Скверик из акаций, кленов, тополей.
Карусель с лошадкой в глубине аллеи.
Гипсовый мужчина с гипсовым значком
Между листьев смотрит дырочкой-зрачком.
Рядом деревянный в реечках ларек,
У окошка мальчик нос уткнул в кулек.
А по тротуару, за руки держась,
С папою и мамой я иду, смеясь.
В платянце из шелка, с сумочкой в руке,
С подзажившей ранкой на худой ноге.
С бантом из капрона в редких волосах,
В маминных, со стрелкой сломанной, часах.
Почему? — не вспомнить — я там хохочу,
Может быть, мальчишке нравится хочу...
Видел или нет он, мне теперь гадать,
Как за руки взявшись, я могу летать!

1996

*Я никогда
не привыкну*

Ах, как сладко пела я,
Аж до слез!
Там, где роща белая
От берез.

Где листва сплеталась
В кружева,
Где от ласк осталась я
Чуть жива.

Где под ливень барыню
Ты плясал
И малиной раннею
Забросал,

И опять про валенки
Спеть просил,
А потом, как маленький,
Снял без сил.

1997

Детское

В лесу у теплой речки
Резвились две овечки —
Подружки-хохотушки, красавицы двора.
Завита шерсть в колечки
У черненькой овечки,
Блондинка без завивки: «Не хочется, жара!»

«Ах, где найти местечко, —
Лукавила овечка, —
Чтоб нас не окликали и не смотрели вслед?!»
«Да, быть красивой тяжко,
Подруженька-бедняжка,
Но, видимо, на свете такого места нет!»

И в миг расхохотались,
По травке покатались,
Сорвали по ромашке и побыстрей домой!
Где ждет подружек наших
Застенчивый барашек.
И каждая считает: «Жених, конечно, мой!»

1997

Я сегодня встану, плечи распрямлю,
На последний грошик платьице куплю.

Седину закрасшу, брови подведу,
Пальцецо накину и гулять пойду.

Выйду и зажмурюсь — Боже, день какой!
Март погладил крыши теплою рукой.

Солнце и сосульки, ветер и ручьи,
И вопросы птичьи: «Чьи вы, чьи вы, чьи?»

Подкормлю с ладони солнечных зайчат,
Подмигну старушкам — пусть себе ворчат.

Да, немолодая, и живу одна,
И едва зимою не дошла до дна,

Но сейчас очнулась, будто ото сна.
Я еще живая. Принимай, весна!

1998

Алечке и Ниночке

Мне приснилась тропинка
Прошлогодного лета
С мягко-прелой хвоею
И ложбинками мха.
Пролетала пушинка
Коридорами света,
И, погаснув, садилась
На ладонь лопуха.

Мне приснилась тропинка
Жгучим запахом мяты,
Горькой грустью полыни,
Чистотою смолы.
Золотил паутинку
Нежный отблеск заката
И ласкал напоследок
Красных сосен стволы.

Мне приснилась тропинка
С детским смехом по краю.
Видно, дочки на речку
Побежали тайком.
Мне приснилось. Мне снится..
Вот я их догоняю,
В тополиную вьюгу
Побежав босиком.

1998

Как странно: одна в тишине
Живу на таежной даче.
Никто не приходит ко мне,
Лишь птица какая-то плачет.

А я, к своему стыду,
Не знаю той птицы название.
По мокрой опушке бреду,
Пытаюсь понять призвание,

Предназначение, смысл...
В тучах закат играет.
И вдруг поражает мысль:
День нынешний догорает,

А я все чего-то жду,
Все мудрствую сонливо.
Не радовалась дождю,
Как мята, полынь, крапива.

Не слышала, что оса
Мне на ухо прожужжала,
Не видела, как роса
На ландыше чуть дрожала.

Я все пропустила! Все!
Рыданье в груди томится.
О, как же имя твое,
Расплакавшаяся птица?!

1999

Рассказ соседки

На стол ужин собрала,
Баньку затопила,
Отхлебнула из горла —
Заиграла сила!
И к соседу, напрямки
Через огороды.
Нынче стали мужики
Девичьей породы.
Вот и Вася, мой сосед,
Ходит, намекает,
Только предложенья нет,
Духу не хватает.
А чего? Что нам терять?
Оба холостые.
Но боюсь я, что опять
Хлопоты пустые.
Вот приду и что скажу?
«Вась, давай жениться?»
Я сейчас уже дрожу,
Легче застрелиться.

Повернулась, и тропой,
Что за наказанье,
Пятый раз иду домой
Снова без признанья.
И опять одна сижу,
В доме чисто, сытно.
На василин двор гляжу,
Да от слез не видно.

1999

Лене Косиновой

Неужели было лето?
Неужели мчал нас поезд
По разнеженному югу?
Или мне приснилось это?
Неужели мне приснилось:
Озорная проводница,
Станционные старушки,
В чьих кастрюльках растопилось
В молодой картошке масло.
Мы сидели у окошка,
Пели песню про осоку.
За горами солнце гасло.
И мы знали — завтра утром
Явится, как чудо, море,
С влажным ветром, жарким пляжем,
Отражая перламутром
Золотых лучей сиянье!
Неужели было лето,
Мчал нас поезд.. или это
Давнее мое желанье?!

1999

из семейного альбома

Фотография брата Саши

Диванчик с ситцевым чехлом,
Резные полочки на спинке,
Салфетки с вышитым углом,
Вязанье в старенькой корзинке

На тумбочке стоит трельяж,
В нем отражаются футляры
Губной помады, карандаш,
Пульверизатор, бант гитары.

Играют солнечным лучом
Из чешского стекла сережки.
Домашним пухлым калачом
Свернулась кошка на окошке.

А за припугоренным окном
Клен в форточку ворваться хочет.
И брат, к стеклу прижавшись лбом,
Состроил рожки и хохочет.

1998

Ах, что за осень! Что за день!
Меж кленов желтых солнце льется,
Сияет в лужах, в окна бьется,
Со стекол слизывая тень.

А небо! Синего синей!
Такого летом не бывает!
И, словно ласточка, летает
От солнца шалый воробей!

И, кажется, еще чуть-чуть,
И я сама взлечу, как птица.
И мне удастся с небом слиться!
Когда-нибудь... Когда-нибудь!

2000

из семейного альбома
Фотография бабушки

Бабушка моя, Анна Алексеевна,
На крыльце стоит — местная царевна.
Двухэтажный дом, стайки да углярки,
У дверей сосед Колька, после пьянки
Разлепил с трудом для улыбки губы,
Под окном мопед сына тети Любы,
Мокрое белье ветер в клумбу клонит,
Курицу петух вдоль забора гонит.
Это бабин двор. Здесь мне любо, мило.
Здесь она жила и меня растила.
Все так просто в ней: фартучек, платочек
И к груди прижат синий василечек.
Снимок давних лет... Если бы я знала,
Что последний раз ей цветок срывала.
Двухэтажный дом, погреба в бурьяне.
В сердце у меня царство бабы Ани.

2000

Щемящий запах скошенной травы,
Глаза закрою и не надышусь..
Вновь маленькая через поле мчусь,
И ветер бант срывает с головы,
И вслед кричит мне: «Люська, подожди!» —
Мой младший белобрысый Санька брат,
Сомлел от солнца и уже не рад,
Что захотел на пруд со мной идти.
Остановилась, жду. Гудят шмели.
Струится воздух от жары волной,
И пахнет свежескошенной травой,
И теплота исходит от земли.

2000

Мужчине, в котором ошиблась

Ну что, перебороли?!
Превозмогли?!
Вернулись к прежней роли
Пупа земли!
И рук соприкасание,
И робкий взгляд
Из Вашего сознания,
Как файл, изъят!
И стертые волей Вашей
Сиянья встреч,
Мой голос, умолявший
Вас уберечь
Ранимого ребенка
В себе самом!
Расчетливо и тонко,
С большим умом
Сработано. И что же,
Мамонов сын?!
Вы, в наказание Божье,
Совсем один!

(А, может, так и надо?
У всех дельцов —
Мощна душе отрада
В конце концов).

2001

Осень вползла в квартиру
вместо дождливого лета.

Утро. Встаю с кровати, холодно и темно.
А за окном береза, ветром полураздета,
Листьями швыряет в кухонное окно.

Осень. И даже фикус с комнатною фиалкой
Тоже слегка увяли, глядя в промокший двор.
Чайник свистит уныло, словно побитый палкой
Кот из-за кресла вылез, сонный потупив взор.

Осень. Сметает листья дворник,
больной с похмелья.

Рвется домой с прогулки пудель
по кличке Князь.

Осень. Суставы ломит, день бы лежать в постели,
Но впереди работа, лужи, канавы, грязь.

Осень. Шепчу молитву: «Боже, меня помилуй,
Убереги от унынья, мир помощи понять.
Господи, дай терпенья, Господи, дай мне силы,
Чтобы смиренно, с любовью,
все, что даешь, принять»,

2001

Май! Убегаю из дома.
Роща, поляны, река!
Кончилась зимняя кома,
Вновь зеленеют луга!
Поле ещё не прогрелось,
А лепестки купав
Манят упасть в незрелость,
В сочную ласковость трав.
Кожею всей насладиться
Юностью внешней травы,
Чтобы омолодиться
С пальцев до головы!

1998 — 2002

Под вечер, в воскресенье,
Явился первый снег.
Среди листвы осенней
И на виду у всех
Он таял. Пахло мартом,
Капель летела с крыш.
Как сахарную вату,
Снег пробовал малыш.
И пел звонок трамвая,
И улыбались мы,
Как дети, забывая
О близости зимы.

1998 — 2003

Детская фотография Оли

О. Цориевой

Сумерки. И скоро дети лягут спать.
Все игрушки брошены в мамину кровать.
Куклы на пол скинуты, подола торчат,
Этому ли учат умненьких девчат?
А сама-то девочка... Здесь остановлюсь.
Так она мне нравится, что приврать боюсь.
Оленька. Лет восемь или, может, семь.
Ей сейчас сниматься ни к чему совсем.
Челочка всклокочена, косы расплелись,
На лице написано: «Лучше отвяжись!
Братец называется, нечего сказать!
Если не хочу я, то зачем снимать?!
Тоже мне фотограф, бегаёт весь день
И тайком снимает эту дребедень.
Лучше бы задачку мне помог решить,
Чтобы завтра двойку мне не получить!»
К столику придвинулась, сморщила чуть нос.
Нет, такую трудно довести до слез.
Столько в ней упрямства, столько озорства,
Что семья и школа справится едва.
Да к тому ж красавица. Девочка-картинка!
И сейчас мне нравится Оля-осетинка,
Оля-недотрога, верная жена.
Как на детском снимке, вольная она.

2003

из семейного альбома
Фотография свёкра

Это что, Италия? Сицилийский двор?
Весь лозой увитый каменный забор,
Лавочка у дома, а на ней мужчины,
Подбоченив руки, распрямили спины.
В новые рубахи старики одеты,
В праздничных костюмах, выходных штиблетах.
Папа крайний справа, остальных моложе,
С выправкой военной, загорелой кожей,
Щеки со щетиной, волосы с пробором,
С усиками ниточкой и орлиным взором.
А в глазах смешинки, губы улыбаются,
По всему заметно: девушкам он нравится.
И сказать по чести, да еще б не нравился —
И краснодеревщик, и в войну прославился,
Артаваз, наш папа, Хачатура сын.
Нет, не сицилиец, цалкский армянин.

2001-2003

Краткая история нашего счастья

Георгию

В твоём детстве — солнце, виноград и горы,
А в моём — сугробы, трубы да заборы.

Ты мальчишкой змея победить пытался,
За орлами бегал, с пацанами дрался.

Я концерт давала на гаражной крыше,
Пела громко-громко, чтобы ты услышал

И ко мне примчался в гости с виноградом,
Растопил сугробы и остался рядом!

2003

Пел о любви нам Челентано.
Неслось авто. Май бушевал,
Сам от себя как будто пьяный!
И дочкам волосы взвивал
В окно врывающий ветер!
Черемух, яблонь, лип, берез
Витали запахи. В кювете
Цвел одуванчик. И до слез
Легко и радостно мне было!
И даже тополя без крон
Не чахли, набирались силы,
Чтоб возместить ветвей урон,
И с обновленною листвою
Птенцов под радугой качать,
И шелестеть над головою,
И дочек во дворе встречать!

2003

Георгию

Я никогда не привыкну
К тому, что ты рядом, мой.
Уходишь, я вслед окликну:
«Пораньше вернись домой!»

Я еще не налюбуюсь
На то, как смешно пьешь чай,
Как дразнишься, когда хмурюсь,
По-детски боишься врача.

Как с дочками ты танцуешь
Бережно, чуть дыша,
Их тайно ко всем ревнуешь.
Как бреешься не спеша.

Я никогда не устану
Слушать, как ты поешь
Песни про атамана,
Нинку и финский нож.

Мне жаль, что не научилась
Тому, как легко живешь —
Сдаешься на Божью милость,
Последний теряя грош.

2003

Содержание

«Мой стих не прописался...»	3
Поэт о поэте. Александр Ибрагимов	4
Мой солнцеглавый	12
«Мой честнейший, мой нежнейший...»	13
Последний вечер в Москве	14
Осенняя прогулка	15
«От роз благоухало зданье...»	16
«Смотреть в глаза и взгляд поймать...»	17
«Мудрец-хранитель знает тайну...»	18
«Кукушка собиралась...»	19
«Сегодня вечер тих и нежен...»	20
«В березовом лесу так тихо и уютно...»	21
«В моей ладони — две монетки...»	22
«Часы стучат. Любимый мой уснул...»	23
«Я чувствую себя блудницей...»	24
«Скользящее движение руки...»	25
Рассказ подруги	26
Прощание	28
«Заблудшую меня, пожалуйста, найдите...»	29
«Мой день дурацкий, сотканный из тени...»	30
Фотографии из семейного альбома	31
Папины друзья на речке	32
«Сронила колечко» мы с бабушкой пели...»	33
Мама	34

«Двухэтажный дом...»	36
«Вечерний час. Зима. Дорога в тополях...»	37
На даче	38
Июль	39
«Мы не спали и не ели...»	40
«Кружевное полотно вышивала шелком...»	41
Полина	42
«Твой поезд отступает...»	44
Это я	45

Я никогда не привыкну	46
«Ах, как сладко пела я...»	47
Детское	48
«Я сегодня встану, плечи распрямлю...»	49
«Мне приснилась тропинка...»	50
«Как странно: одна в тишине...»	52
Рассказ соседки	54
«Неужели было лето?...»	56
Фотография брата Саши	57
«Ах, что за осень! Что за день!..»	58
Фотография бабушки	59
«Щемящий запах скошенной травы...»	60
Мужчине, в котором ошиблась	61
«Осень вползла в квартиру вместо дождливого лета...»	62
«Май! Убегаю из дома...»	63
«Под вечер, в воскресенье...»	64
Детская фотография Оли	65
Фотография свёкра	66
Краткая история нашего счастья	67
«Пел о любви нам Челеггано...»	68
«Я никогда не привыкну...»	69

Людмила Тарасова-Чидилян

Дорога в тополях

Стихи

Редактор Александр Ибрагимов
Художник Ольга Помыткина
Тех. редактор Сергей Скобликов
Корректор Наталья Мурзина

Подписано в печать 08/08/2003.

Формат 62x94/16.

Бумага мелованная.

Печать офсетная.

Гарнитура Гарамонд.

Усл. печ. л. 4,5.

Тираж 1000 экз.

80 руб. $\approx$ **цена**
коп.

